

СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ УСЛОЖНЕННЫХ СУФФИКСАЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ КАК МЕТОДИКА ИХ ИЗУЧЕНИЯ

О.Ю. Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; vpk@rambler.ru

Аннотация: Специфика суффиксального усложнения, имеющего выраженную динамическую природу, требует применения синхронно-диахронного подхода к его изучению. Синхронно-диахронное исследование усложненных формантов предполагает учет предшествующих исторических изменений при анализе синхронных состояний, изучение динамических процессов в словообразовательной и лексико-семантической подсистемах языка в определенные исторические периоды его развития.

Методика синхронно-диахронного анализа словообразовательных моделей с генетически усложненными словообразовательными аффиксами представлена на примере суффикса *-ниц(а)* с предметным значением. Синхронно-диахронный анализ производных слов с суффиксом *-ниц(а)* — изучение системных отношений имен существительных с суффиксом *-ниц(а)* в древнерусский, старорусский периоды — выявляет генетическую связь и историческое взаимодействие семантически близких в современном русском языке словообразовательных типов с суффиксом *-ниц(а)* и с суффиксом *-н(я)*, включающих производные слова со значением вместилища и помещения.

Суффикс *-ниц(а)* с предметным значением формируется в моделях суффиксального усложнения «*-н(я) + -ниц(а)*» в группе *nomina loci*. В ходе исторического развития наблюдается расширение семантической сферы действия сложного форманта *-ниц(а)*, выход за пределы группы наименований помещений. Структурно-семантическое и функциональное становление нового сложного форманта поддерживалось как особенностями деривации *nomina loci*, так и аналогичным влиянием близких в структурном и семантическом отношениях лексических единиц. Результатом исторического развития суффикса *-ниц(а)* становится изменение его отношений с суффиксом *-н(я)* — переход от отношений мотивации к отношениям кодеривации, увеличение продуктивности нового сложного форманта, его победа в конкуренции с генетически родственным суффиксом *-н(я)*.

Ключевые слова: словообразование; русский язык; синхронно-диахронный анализ; имена существительные; суффиксальное усложнение; сложные суффиксы; предметное значение; суффикс *-ниц(а)*

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-13

Для цитирования: Крючкова О.Ю. Синхронно-диахронный анализ усложненных суффиксальных формантов как методика их изучения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 188–201.

SYNCHRONOUS AND DIACHRONIC ANALYSIS OF COMPLEX SUFFIXAL FORMANTS AS A METHOD OF THEIR STUDY

O.Yu. Kryuchkova

Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia; vpk@rambler.ru

Abstract: Particular characteristics of suffixal complication, which has an articulated dynamic nature, require the application of synchronous and diachronic approaches to their study. Synchronous and diachronic study of complex formants implies the consideration of the previous historical changes when analysing synchronous states, as well as the study of dynamic processes in the word-formational, lexical and semantic subsystems of a language in determinate historical stages of its development.

The method of synchronous and diachronic analysis of word-formation models with genetically complex word-formation affixes is presented by the example of the suffix *-nits(a)* with an object meaning. Synchronous and diachronic analysis of derived words with the suffix *-nits(a)*, which implies the study of systemic relations between the nouns with the suffix *-nits(a)* in the Old Russian in the different stages of its development, reveals a genetic connection and a historical interaction of the modern Russian word-formation types with the suffixes *-nits(a)* and *-n(ya)*, which are close semantically and include the derived words with the meaning of container and premises.

The suffix *-nits(a)* with an object meaning is formed in the suffixal complication models “*-n(ya) + -its(a)*” in the nomina loci group. During its historical development, an extension of the semantic scope of application of the complex formant *-nits(a)* is observed, and its meaning transcends the boundaries of the names of premises group. The structural and functional evolvement of a new complex formant is empowered both by the peculiarities of nomina loci derivation and by the analogous influence of structurally and semantically close lexical units. The historical development of the suffix *-nits(a)* results in the following changes in its relations with the suffix *-n(ya)*: the transition from the motivation relations to the relations of co-derivation, the increased productivity of the new complex formant, its prevalence in the competition with the genetically related suffix *-n(ya)*.

Keywords: word formation; the Russian language; synchronous and diachronic analysis; affixal complication; complex suffixes; denotation; suffix *-nits(a)*

For citation: Kryuchkova O.Yu. (2024) Synchronous and Diachronic Analysis of Complex Suffixal Formants as a Method of Their Study. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 188–201.

Образование новых, сложных по своему составу аффиксов — процесс, действующий на всех этапах языковой диахронии. А.И. Кузнецова пишет: «Процесс объединения суффиксов в устойчивые цепочки (функционирующие как единый, хотя и сложный по своему составу, суффикс) наблюдается не только в праславянский или древнерусский периоды, но и в настоящее время — в современном русском языке» [Кузнецова 1987: 98]. Факты подобных суффиксальных и аффиксальных наращений приведены в работах А. Мейе, А.Л. Дювнернуа, Н.В. Крушевского, Ж.Ж. Варбот, В. Кипарского, В.В. Лопатина и И.С. Улуханова, А.И. Кузнецовой, Л.И. Ройзензона, Е.А. Земской. К настоящему времени сделано немало наблюдений об условиях, стимулирующих формирование новых суффиксальных формантов на основе суффиксальных последовательностей, а проблема аффиксального усложнения осмыслена как одна из важнейших проблем морфематики и словообразования славянских языков, ср.: «Центральной проблемой развития аффиксальной системы славянских языков нам представляется проблема формирования и функционирования вторичных, усложненных по структуре, аффиксальных морфов (суффиксальных и префиксальных) на базе более простых, первичных морфов» [Лопатин, Улуханов 1988: 190] (обзор отмеченных в ряде работ факторов образования новых усложненных формантов, сформированных на основе объединения простых аффиксов, см. в [Крючкова 2022a]).

Специфика суффиксального усложнения как явления, имеющего выраженную динамическую природу, требует применения синхронно-диахронного подхода к его изучению: систематического и системного учета предшествующих исторических изменений при анализе синхронных состояний, изучения динамических процессов в словообразовательной и лексико-семантической подсистемах языка на каждом из этапов его развития. Синхронно-диахронный анализ фактов словообразования, в основе которого лежит «диалектическая взаимосвязь синхронного и диахронного подходов», «исходит из системного статуса изменяющихся объектов», «относительная стабильность языковых фактов в определенный исторический период осмысливается как этап в постоянном развитии языка» [Николаев 2010: 8]. Таким образом, сущность синхронно-диахронного подхода заключается в системности диахронного анализа, внимании к разным видам лексических и деривационных отношений изучаемых единиц на всех этапах их языковой истории, в установлении корреляции между деривационными процессами и деривационными отношениями. Ср. также мнение Н.М. Шанского о том, что «в силу... динамичности словообразовательной системы» явления словообразования «можно глубоко и всесторонне познать

только с помощью комплексного — синхронно-диахронического — исследования, рассматривая слова как результат деривации в большом контексте языковой современности и истории» [Шанский 1977: 16]. И.С. Улуханов подчеркивает необходимость соотнесения данных современного русского словообразования с данными исторически: «Синхронное и историческое словообразование изучались изолированно друг от друга, и это оставляло в стороне интересные теоретические проблемы соответствия и несоответствия синхронных связей и исторических процессов» [Улуханов 1992: 5]; при этом отмечает, что «исследования, в которых один и тот же материал... рассматривался бы одновременно с синхронной и диахронической точек зрения, весьма немногочисленны» [Улуханов 2005: 19].

В статье с позиций синхронно-диахронного подхода рассматривается словообразовательный тип предметных имен существительных с суффиксом *-ниц(а)* (ранее методика синхронно-диахронного анализа с привлечением данных русских народных говоров была апробирована нами на материале морфемного комплекса (бисуффиксального форманта) имен прилагательных *-овск(ий)* [Крючкова 2022b]).

В современном русском языке выделяются близкие по семантике суффиксальные словообразовательные типы, участвующие в деривации имен существительных со значениями вместилища и помещения: суффикс *-ниц(а)* продуктивен в группе существительных со значением вместилища — типа *сокровищница, хлебница, конфетница* (реже он используется в наименованиях помещений: *шампиньонница* ‘помещение для выращивания шампиньонов’), а суффикс *-н(я)* характеризуется как продуктивный в названиях помещений и непродуктивный в названиях вместилищ — *пекарня, токарня, конюшня, жаровня* [Русская грамматика 1980: 188–189].

В [Лопатин, Улуханов 2016: 411–413] суффикс *-ниц(а)* в значении ‘место, помещение, учреждение’ характеризуется как один из морфов в ряду суффиксальных вариантов, возглавляемых морфом *-иц(а)*. Словообразовательный подтип с данным значением представлен примерами типа *теплица, темница* (устар. и книжн.), *светлица* (устар.), *лечебница, грибница* (спец.) ‘теплица для выращивания грибов’, *сбруйница* ‘место для хранения сбруи, сбруйный сарай’, *житница* (устар.) ‘помещение для хранения жита, зерна’, *сенница* (обл.) ‘сенной сарай, сеновал’, *винница* (обл.) ‘винный завод’, *ветряница* (обл. и прост.) ‘специальное место на открытом воздухе, ветру для сушки белья, вяления рыбы и т. п.’, *зимница* (обл.) ‘помещение для зимнего содержания скота’, *летница* (обл.) ‘летнее, неотапливаемое помещение при доме’, *пожарница* (обл.) ‘пожарный сарай в деревне, место, оборудованное всем необходимым для тушения по-

жара', *конфетница* (устар.) 'кондитерская', *пивница* (устар.) 'погреб для хранения пива', *рыбница* (обл. и спец.) 'место для хранения выловленной рыбы; промысловое рыболовное судно'.

Названный словообразовательный подтип квалифицируется как подтип с «эпизодической продуктивностью», пополняемый в редких случаях новыми словами и окказиональными образованиями: *шампиньонница* (нов.) 'теплица для выращивания шампиньонов', *помойница* (окказ.) 'помойная яма, место для выливания помоев' [Лопатин, Улуханов 2016: 413]. Перечень приведенных в указанном словаре примеров свидетельствует о преобладании в составе подтипа функционально ограниченных лексических единиц (обл., прост., устар., книжн., спец.), а их семантизация — о неединственной интерпретации морфного состава большинства слов, равно возможном выделении как морфа *-иц(а)*, так и морфа *-ниц(а)*, или даже предпочтительном выделении последнего, усложненного морфа (в словаре, в соответствии с принятой в нем концепцией, в иллюстративной части словарной статьи не разграничиваются морфы одной морфемы, примеры записываются с ориентацией на основной морф словообразовательного типа, т. е. в рассматриваемом случае с выделением морфа *-иц(а)*: *сбруйн-иц-а*, *грибн-иц-а*, *житн-иц-а*, *рыбн-иц-а*, *шампиньонн-иц-а* и т. д.).

Таким образом, данные современного русского языка свидетельствуют о семантико-словообразовательной близости суффиксов *-н(я)*, *-иц(а)*, *-ниц(а)*. Синхронно-диахронный анализ названных словообразовательных средств — простых суффиксов *-н(я)*, *-иц(а)* и сложного суффиксального форманта *-ниц(а)* с предметным значением — выявляет их тесное историческое взаимодействие, генетическую связь.

Основной лексической средой формирования сложного суффиксального форманта *-ниц(а)* с предметным значением, по всей видимости, выступает группа *nomina loci*. В русском языке на протяжении всей письменной его истории образуются параллельные *nomina loci* с простым и усложненным суффиксальным формантом, т. е. производные существительные на *-ня* и *-ница*. Ср. в др.-русск. языке: *голубня* — *голубьница*, *гридьня* — *гридьница*, *вительня* — *вительница*, *поварья* — *поварьница*, *городья* — *городьница*; в ст.-русск. языке: *книгохранильня* — *книгохранильница*, *колокольня* — *колокольница*, *кумирня* — *кумирница*, *магерня* — *магерница*, *мовня* — *мовница*, *мельня* — *мельница*, *парня* — *парница*, *пекарня* — *пекарница*, *судебня* — *судебница*; в совр. рус. яз.: *солеварня* — *солеварница*. Образования на *-ница*, дублирующие семантику имен на *-ня*, находятся в подобных случаях в отношениях множественной мотивации — как с первичнопроизводными именами на *-ня*, так и с их

производящими (*голубья* → *голубьяница* и *голубь* → *голубьяница*), что создает благоприятные условия для формирования сложного форманта *-ница(a)*.

Первоначально существительные на *-ница* являлись, очевидно, производными модели *-н(я) + -иц(a)*. Осложнение суффикса *-н(я)* вторичным суффиксом *-иц(a)* было связано, по-видимому, со старославянским влиянием. Суффикс *-иц(a)* использовался в старославянском языке при образовании слов со значениями 'помещение' и 'вместилище', ср. примеры из [Старославянский словарь 1994]: *горьница* 'горница, верхнее помещение' (ср. *горьнь* 'верхний, горный'), *житница* 'амбар, житница' (ср. *житень* 'хлебный'), *гостинница* 'постоялый двор, гостиница', *кринница* 'кувшин', *ризьница* (ср. *риза*, *ризьно* 'верхняя одежда'), *скринница* 'ларец, ящик' (ср. *скриня*), *стъклѣница / стъкльница* 'стеклянная чаша, сосуд', *тѣмьница* 'тюрьма, темница' (ср. *тѣмьнѣ* 'темный, неосвещенный, лишенный света'). Ср. выводы Р. Бошковича о дифференциации славянских языков в области суффиксального словопроизводства *potina loci*: в ю.-сл. языках *potina loci* образуются путем использования суффикса *-ica*, в в.-сл. и зап.-сл. языках — с помощью суффикса *-ia*, на основе которого возник суффикс *-n'a* [Бошкович 1984: 246 и след.]. Контаминация исконно русского и старославянского суффиксов в структуре одного и того же слова — нередкое явление в русском языке XI–XVII вв., ср., напр., образования с нанизыванием гетерогенных суффиксов: *младен-ич-иць*, *писа-тел-ьникъ*, *хытр-ост-ьство*, *мил-ост-ыня* (подробнее в [Крючкова 2000]).

В производных *potina loci* суффиксальное усложнение дополнительно приобрело иное, семантическое содержание. Оно стало фактором продвижения словообразовательной семантики в сторону усиления ее обобщенности. Если суффикс *-н(я)* специализировался в дальнейшем в области предметных существительных именно на образовании *potina loci* (ср. в совр. рус яз.: *маслобойня*, *кофейня*, *каменоломня*, *пекарня*, *мукомольня*), то суффикс *-ница(a)* стал участвовать в деривации разнообразных по семантике предметных существительных: *хлебница*, *скребница*, *гробница*, *здравница*, *кузница*, *крапивница*, *смоковница*, *кадильница*, *бойница* и др. Именно эта широкая семантическая функция стала залогом устойчивости суффиксального усложнения и превращения суффиксальной последовательности в сложный формант. Возможность подобного «переосмысления» роли суффиксального усложнения обусловлена как внутренними особенностями словообразовательной модели *potina loci*, так и внешним аналогическим воздействием смежных элементов словообразовательной и лексической системы.

Своеобразной чертой словообразовательной модели *nomina loci* искони была неоднозначность мотивационных отношений: наименования помещений могли образовываться как от глаголов, так и от имен существительных. В первом случае возникали так называемые одноаргументные дериваты, т. е. производные существительные с простым ономаσιологическим признаком, выявляющимся в поверхностной структуре их пропозиции, во втором случае — двуаргументные дериваты, производные существительные со сложным ономаσιологическим признаком, полностью выявляющимся в глубинной структуре пропозиции, лишь при лексической интерпретации деривата [Нещименко, Гайдукова 1994]. Ср. др.-русск. *вительня* ('обитель') 'место, где обитают', *поварьня* 'место, где варят' и *гридьня* 'место, где гридь (устраивала приемы)', *голубья* 'место, где (содержат) голубей'.

Неоднозначность ономаσιологического признака *nomina loci* способствовала обобщению словообразовательного значения дериватов, нейтрализации унаследованных от исходного глагола акциональных компонентов и укреплению собственно номинативных предметных значений. Суффикс *-иц(a)*, будучи южнославянским заимствованием, оказался удобным средством выражения указанной эволюции. Ср. усиление семантики предметности, утрату связи с глагольной семантикой в словообразовательной цепи *городити* ('создавать ограждение, ограду') — *городъ* ('ограда, крепостная стена, линия укреплений и т. д.') — *городня* (1. 'часть (пролет, звено) моста, городской или крепостной стены'; 2. 'ограда, стена') — *городница* ('часть моста') [СлРЯ XI–XVII вв.].

К внешним факторам, поддерживавшим устойчивость усложненного форманта *-ниц(a)* и обобщенность его словообразовательного значения, можно, вероятно, отнести влияние суффикса *-ник(ъ)*, постепенно проникающего из области словопроизводства имен лиц в область конкретно-предметной деривации. Суффикс *-ник(ъ)*, обладающий широкой неспециализированной предметной семантикой, мог образовывать конкретно-предметные существительные с разными значениями, в том числе и со значением 'помещение', ср. др.-русск. и ст.-русск. образования: *ароматникъ* 'вместилище для пряностей', *артосникъ* 'блюдо для артоса — освящаемого хлеба', *банникъ* 'щетка', *бумажникъ* 'тюфяк, подстилка; сумка для бумаг', *почерпальникъ* 'ковш', *жаровникъ* 'предмет для жарения', *голубникъ*, *конюшникъ*, *коровникъ*, *овчарникъ* — наименования помещений.

Nomina loci на *-ник(ъ)*, так же как и имена на *-ниц(a)*, соотносились с производными существительными на *-ня* (ср.: *конюшникъ* — *конюшня*, *коровникъ* — *коровня*, *овчарникъ* — *овчарня*, *голубникъ* и *голубница* — *голубня*). Все это: общность словообразовательной

базы, общая соотнесенность с именами на *-ня*, словообразовательная синонимия имен на *-никъ* и *-ница*, наличие алломорфа *-ниц-* у суффикса *-ник(ъ)* в основах, претерпевавших второе переходное смягчение, — способствовало, вероятно, аналогическому выравниванию словообразовательных отношений. Ср. дублетность существительных *голубьникъ* и *голубьница*, употребленных в одном и том же контексте: *Голуби же и воробьеѡ полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубьники, вробѣѡе же подѣ стрѣхи и тако възгарахуся голубьницы* (Лавр. лет., 59) [СлРЯ XI–XVII вв.]. Увеличение словопроизводственной активности суффикса *-ниц(а)* с предметным значением идет параллельно с увеличением продуктивности суффикса *-ник(ъ)* в сфере конкретно-предметных номинаций. Взаимодействие имен на *-ня* и *-ница*, аналогично взаимодействию имен на *-ня* и *-никъ*, переключалось из области мотивационных отношений в область отношений кодеривации, из области словообразовательного гипотаксиса в плоскость паратаксиса.

Фактором укрепления форманта *-ниц(а)* с общепредметной семантикой становится также аналогическое влияние звуковых последовательностей, не имеющих морфемного статуса, — со стороны функционирующих в древнерусский и старорусский периоды предметных существительных с суффиксом *-иц(а)*, образованных от основ с финалью *-н-* (*багрянница*, *больница*, *ветреница* ‘флюгер’, *верхница* ‘верхняя одежда’, *волница* ‘шерстяная ткань’, *власеница*, *гостиница*), со стороны омофинальных существительных с непредметным значением (*вольница*, *грудница*, *гнетница* ‘болезнь’, *бесконница* ‘не имеющая конца’), омофинальных существительных неясной этимологии (*гусельница* ‘растение’, *волженица* ‘гриб волнушка’, *бляшница* ‘клоп’, *бретьяница* ‘амбар’, *гаковница* ‘ручное огнестрельное оружие’), омофинальных заимствований (*гафуница* ‘род пушки’).

Сложный суффиксальный формант *-ниц(а)* сформировался рано. Уже в древнерусском языке он функционирует в этом качестве, образуя производные с широкой предметной семантикой (*възглавница* ‘подушка’, *рнзыница* ‘сокровищница’, *колесьница* ‘повозка’; корреляции на *-ня* здесь отсутствуют), выступая в роли средства, осложняющего менее продуктивные и более узкие по значению форманты *-л(о)* и *-ел(ъ)* (*обитель* — *обительница*, *судохранило* — *судохранильница*).

В старорусском языке возникают немногочисленные параллельные образования на *-н(я)* и *-ниц(а)* (*гвоздильня* — *гвоздильница*, *кумирня* — *кумирница*, *лудильня* — *лудильница*, *парня* — *парница*, *судебня* — *судебница*), которые уже вряд ли могут быть рассмотрены как образования, находящиеся в мотивационных отношениях. В старорусском языке конкретно-предметные имена на *-ниц(а)* ста-

новятся более употребительными в сравнении с именами на *-ня*. Характерно, что многие имена на *-ня* проиллюстрированы в СлРЯ XI–XVII вв. только одним примером, в то время как однокорневые параллели на *-ница* сопровождаются несколькими текстовыми иллюстрациями. Показателем большей употребительности имен с расширенным формантом является также их семантическое развитие. Старорусские существительные на *-ница* в отличие от первично-производных имен на *-ня* чаще развивают вторичные значения; существительные же на *-ня*, впервые зафиксированные в памятниках старорусской письменности, как правило, однозначны, ср.: *книгохранильница* — 1) ‘книгохранилище, библиотека’, 2) ‘шкаф, ларь, ящик для книг’, *книгохранильня* ‘то же, что *книгохранильница* (в знач. 1)’; *мовница* — 1) ‘баня, мытье в бане’, 2) ‘прачка’, *мовня* ‘баня; мытье в бане’. Другим показателем большей актуальности и деривационной самостоятельности имен с усложненным формантом можно считать более высокую фонетическую вариативность таких существительных, например, *пекарница* : *пекальница*, *пекленица*, *пекляница*, *пекольница* (ср. *пекарня* : *пекольня*); *судьбница* : *судьница* (ср. *судьбня*). О словообразовательной самостоятельности суффикса *-ниц(а)* свидетельствует также возможность словообразовательного эллипсиса (ср.: *судъ* — *судьница* при отсутствии существительного *судья, *жито* — *житьница*), широкое использование суффикса *-ниц(а)* в роли вторичного, поддерживающего другие, непродуктивные в области конкретно-предметных номинаций форманты (ср.: *жалоба* — 1. ‘горе, печаль’, 2. ‘жалоба’; ‘документ с изложением жалобы’ — *жалобница* ‘документ с изложением жалобы’).

Продуктивность суффикса *-ниц(а)* в кругу словообразовательных средств, образующих конкретно-предметные наименования, и вытеснение этим суффиксом других, утрачивающих продуктивность формантов, прослеживается в моделях с троекратным нанизыванием предметных суффиксов, расположенных в порядке возрастания их продуктивности в старорусском языке. Ср.: *гвоздь* — *гвоздило* (‘кузнечный инструмент’) — *гвоздильня* (‘то же’) — *гвоздильница* (‘то же’); *лудити* — *лудило* (‘сосуд, в котором приготавливают полуду’) — *лудильня* (‘то же’) — *лудильница* (‘то же’).

В старорусский период в группе *nomina loci* увеличивается количество производных на *-ня* и *-ница* со сложным ономаσιологическим признаком (см. выше), регулярно выявляющимся в отсубстантивных моделях, ср.: *блинтя* ‘помещение, где (пекут и продают) блины’, *кумирня*, *кумирница* ‘место, где (находятся) кумиры’; *судбня*, *судбница* ‘место, где (производится) суд’ и под. Преобладание среди новообразований (хотя и незначительное) отсубстантивных

моделей — свидетельство усиления неспециализированного общепредметного словообразовательного значения.

Усиление обобщенности словообразовательного значения проявляется также в более активном употреблении суффикса *-ниц(а)* (а в условиях обратной словообразовательной соотнесенности и суффикса *-н(я)*) для образования существительных с другими (не *nomina loci*) предметными значениями. Ср.: *ароматница*, *артосница*, *бумажница*, *блистальница*, *блистаница* 'лампада, светильник', *водоточница* 'водоем', *возливальница* 'чаша', *аргишница* 'проезжая, обозная дорога' (от *аргиш* 'обоз'), *белильница* 'сосуд для белил', *багорница* 'канат, прикрепляемый к багру', *божница* 'полка', *вапница* 'ящик с красками' (от *вапъ* 'краска'), *висельница* 'виселица', *головница* 'выступ, шишечка на нашивке', *гроховница* 'род пушки', *оконница* 'предмет, который (вставляется) в окно' и др.; *лыжня*, *лыжница* 'след от лыж, лыжня', *набойня*, *набойница* 'выдолбленная из осинового колоды лодка с набитыми для увеличения высоты бортов досками (набоями)', *подворотня*, *подворотница* 'пространство между воротами и землей'; *пожня*, *пожница* 'сенокосное угодье', *приглавня*, *приглавница* 'мозжечок, малый мозг'.

В современном русском языке продолжают существовать единичные параллели с простым и сложным суффиксальными формантами на *-ня* и *-ница*, соответствующие древней модели удвоения *-н(я) + -иц(а)*, но изменившие отношения словообразовательной мотивированности на отношения кодеривации. В Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова [Тихонов 1985] соотносительные производные на *-ня* и *-ница* (*гридня* и *гридница*, *солеварня* и *солеварница*, *сухарня* и *сухарница*) рассматриваются как компоненты парадигматических рядов, находящиеся на одной ступени производности.

Образования на *-ница* (в случаях указанного параллелизма), как правило, более употребительны, чем образования с суффиксом *-н(я)*, которые (независимо от времени их появления) в современном русском языке могут быть истолкованы как редериваты. На это указывают и словарные дефиниции, ср.: *гридня* 'то же, что гридница', *сухарня* 'то же, что сухарница'. На большую распространенность существительных на *-ниц(а)* указывает, кроме того, их стабильная фиксация во всех важнейших словарях русского языка, тогда как существительные с суффиксом *-н(я)*, как правило, включаются лишь в отдельные толковые словари (см. [Сводный словарь 1991]). Исключение представляет существительное *солеварня*, более употребительное в сравнении со сложносуффиксальным образованием *солеварница*, что, возможно, связано с терминологическим характером его значения и закреплением суффикса *-н(я)* в сфере *nomina loci*

терминологического характера — в наименованиях производственных помещений и общественных учреждений (ср.: *маслобойня, кофейня, каменоломня, пекарня, мукомольня, токарня* и т. п.).

Таким образом, формирование и историческая судьба сложного суффикса *-ниц(а)* в кругу предметных имен существительных обусловлены целым комплексом системных факторов — структурно-семантическим потенциалом словообразовательных моделей, внешними аналогическими влияниями.

Синхронно-диахронное рассмотрение словообразовательных средств русского языка, проведенное в данном случае на примере суффикса *-ниц(а)*, является эффективным способом изучения словообразовательного инвентаря русского языка, раскрывает не только динамику его отдельных единиц, но и динамику системных отношений в лексических группах и моделях словообразовательной деривации, позволяет обнаружить взаимосвязь между основными компонентами предмета дериватологии — деривационными процессами и деривационными отношениями.

Синхронно-диахронный анализ сложного суффикса *-ниц(а)* подтверждает ранее высказанное положение о том, что на всех этапах языковой диахронии в различных словообразовательных подсистемах можно наблюдать действие и взаимодействие двух противоположно направленных тенденций: аффиксальная агглютинация, линейное соединение морфем в составе русского производного слова (в том числе с участием заимствованных аффиксов) постоянно сопровождается их фузионной спайкой (в [Крючкова 2019] эти процессы рассмотрены на примере суффиксальных композиций с усложняющим элементом *-к-*; см. также [Пацюкова 2014]). В результате появляются новые усложненные форманты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бошкович Р.* Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. М., 1984.
2. *Крючкова О.Ю.* Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 68–84.
3. *Крючкова О.Ю.* Суффиксальные последовательности с вторичным суффиксом *-к-* в русском языке // Русский язык: история, диалекты, современность. Вып. XVIII. М., 2019. С. 160–167.
4. *Крючкова О.Ю.* Суффиксальное усложнение в русском языке: вопросы, решения, перспективы изучения // Слово и текст в синхронии и диахронии. Волгоград, 2022а. С. 56–70.
5. *Крючкова О.Ю.* Роль исторических и диалектных данных в интерпретации явлений современного словообразования // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2022б. Т. 22, вып. 2. С. 128–133.

6. Кузнецова А.И. Морфемные блоки и их роль в морфемной и словообразовательной структуре слова // Морфемика: Принципы и методы системного описания. Л., 1987. С. 97–106.
7. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Структура славянской морфемы в синхронном и диахроническом аспектах // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 190–206.
8. Нецименко Г.П., Гайдукова Ю.Ю. К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994. С. 93–126.
9. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. Изд. 2-е, доп. М., 2010. 184 с.
10. Пацюкова О.А. Переразложение и закономерности развития протяженных аффиксов в русском языке: дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 365 с.
11. Улуханов И.С. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 5–21.
12. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М, 2005. 314 с.
13. Шанский Н.М. Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. 1977. № 3. С. 9–16.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

14. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.
15. Русская грамматика. Т.1. М., 1980.
16. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / Под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1991.
17. СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 –.
18. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
19. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1985.

REFERENCES

1. Boshkovich R. *Osnovy sravnitel'noj grammatiki slavjanskih jazykov. Fonetika i slovoobrazovanie* [The basics of comparative grammar of Slavic languages. Phonetics and word-formation]. Moscow, Vysshaja shk. Publ., 1984. 304 p. (In Russ.)
2. Kryuchkova O.Ju. Reduplikacija v aspekte jazykovej tipologii [Reduplication in the context of linguistic typology]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 2000, № 4, pp. 68–84. (In Russ.)
3. Kryuchkova O.Ju. Suffiksial'nye posledovatel'nosti s vtorichnym suffiksom -k- v russkom jazyke [Suffixal sequences with secondary suffix -k- in the Russian language]. *Russkij jazyk: istorija, dialekty, sovremennost'* [The Russian language: history, dialects, modernity]. Moscow, IJU MGOU Publ., 2019, Vyp. XVIII, pp. 160–167. (In Russ.)
4. Kryuchkova O.Ju. Suffiksial'noe uslozhenie v russkom jazyke: voprosy, reshenija, perspektivy izuchenija [Suffixal complication in the Russian language: problems, solutions, perspectives of study]. *Slovo i tekst v sinhronii i diahronii* [Word and text in synchrony and diachrony]. Volgograd, VolGU Publ., 2022a, pp. 56–70. (In Russ.)
5. Kryuchkova O.Ju. Rol' istoricheskikh i dialektnykh dannyh v interpretacii javlenij sovremennogo slovoobrazovanija [The Role of Historical and Dialectal Data for Interpreting the Modern Word-Building Phenomena]. *Izvestija Saratovskogo univer-*

- siteta. Serija Filologija. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2022b, Vyp. 2 (22), pp. 128–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-128-133>.
6. Kuznecova A.I. Morfemnye bloki i ih rol' v morfemnoj i slovoobrazovatel'noj strukture slova [Morphemic blocks and their role in the morphemic and word-formation structure of a word]. *Morfemika: Principy i metody sistemnogo opisaniya* [Morphemics: Principles and methods of system description]. Leningrad, Leningrad University Publishing House, 1987, pp. 97–106. (In Russ.)
  7. Lopatin V.V., Uluhanov I.S. Struktura slavjanskoj morfemy v sinhronnom i diahronicheskom aspektah [The structure of Slavic morpheme in synchronous and diachronic aspects]. *Slavjanskoe jazykoznanie. X Mezhdunarodnyj sjezd slavistov. Doklady sovetskoj delegacii* [Slavic linguistics. The 10th International Congress of Slavists. The papers of the Soviet delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 190–206. (In Russ.)
  8. Neshhimenko G.P., Gajdukova Ju.Ju. K probleme sopostavitel'nogo izuchenija slavjanskogo imennogo slovoobrazovanija [On the problem of contrastive study of Slavic noun word-formation]. *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sopostavitel'nogo izuchenija slavjanskih jazykov* [Theoretical and methodological problems of contrastive study of the Slavic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 93–126. (In Russ.)
  9. Nikolaev G.A. *Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie: Teoreticheskie problemy* [Russian Historical Word Formation: Theoretical Problems]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2010, Izd. 2-e, dop., 184 p. (In Russ.)
  10. Pacjukova O.A. *Pererazložhenie i zakonmernosti razvitija protjazhennyh affiksov v russkom jazyke: dis. ... dokt. filol. nauk* [Rearrangement and regularities of extended affixes development in the Russian language]. Nizhnij Novgorod, 2014, 365 p. (In Russ.)
  11. Uluhanov I. S. Motivacija i proizvodnost' (o vozmožnostyah sinhronno-diahroničeskogo opisaniya jazyka) [Motivation and derivation (on the possibilities of synchronic-diachronic description of language)]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 1992. № 2, pp. 5–21. (In Russ.)
  12. Uluhanov I. S. *Motivatsiya v slovoobrazovatel'noj sisteme russkogo jazyka* [Motivation in the word-formation system of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2005. 314 p. (In Russ.)
  13. Shanskij N.M. Leksicheskaja derivacija v russkom jazyke [Lexical derivation in the Russian language]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 1977, № 3, pp. 9–16. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

14. Lopatin V.V., Uluhanov I.S. *Slovar' slovoobrazovatel'nyh affiksov sovremennoho russkogo jazyka* [Dictionary of word-forming affixes of the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016.
15. *Russkaja grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., T.1, 1980.
16. *Svodnyj slovar' sovremennoj russkoj leksiki: V 2 t. / Pod red. R.P. Rogozhnikovoj* [The Russian vocabulary composite dictionary]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1991.
17. *СлРЯ XI-XVII вв. — Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [The dictionary of the Russian language of XI-XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975 –.
18. *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X-XI vekov) / Pod red. R.M. Cejtlin, R. Večerki i E. Blagovoj* [Old Slavonic Dictionary (based on manuscripts of X-XI centuries)]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1994.

19. Tihonov A.N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka [The dictionary of Russian word-formation]. Moscow, Russkij jazyk Publ., Т. 1–2, 1985.

Поступила в редакцию 20.06.2023

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 17.03.2024

Received 20.06.2023

Accepted 13.02.2024

Revised 17.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Крючкова Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. каф. теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; vpks@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Kryuchkova — Prof. Dr., Head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Chernyshevsky Saratov State University; vpks@rambler.ru